

Исповедь усталой души

Беседу ведёт Кристоф Капаччи, Кольмар, 1996 г.

Вот уже больше тридцати лет Вы возглавляете Госоркестр России, бывший ГАСО СССР. Чем бы Вы могли проиллюстрировать эти три десятилетия?

Евгений Светланов : Позвольте уточнить : четыре десятилетия! Вы правильно назвали официальный срок моего назначения, 1965 год, но меня приглашали дирижировать оркестром ещё с 1954 года, то есть получается скоро уже сорок два года. Должен вам сказать, что это был, есть и будет настоящий каторжный труд. Образное сравнение, которое я подобрал бы, нисколько не преувеличивая, - это гребцы на галерах, прикованные цепями и приводящие в движение огромный корабль лишь собственными физическими усилиями.

И несмотря на всё это Вы продолжаете?

Е.С. : Кажется, да.

Вашим профессором по классу дирижирования был выдающийся московский дирижёр Александр Гаук. Какое влияние он оказал на Ваше становление?

Е.С. : Я очень рад, что Вы о нём заговорили. Имя этого исключительного музыканта было отодвинуто на задний план, его затмили имена новые, и в большинстве случаев, это имена его лучших учеников. Я сейчас читаю книгу одного из наших крупнейших литературных критиков и искусствоведов, Ираклия Андронникова, в которой он посвятил несколько чрезвычайно трогательных страниц Гауку, слава которого в своё время выходила далеко за пределы московских музыкальных кругов. Не забывайте, что это он в 1936 году создал оркестр, которым я дирижирую сегодня. Задолго до того как, стать дирижёром, я всё своё время посвящал сочинению музыки, и Гаук часто дирижировал моими партитурами. Когда в 1951 году я пришёл в Консерваторию поступать в его класс, он был очень удивлён : «Зачем Вам понадобился мой курс? Дирижировать оркестром – это страшная, дьявольская работа. Вы лучше пишите музыку, а я её буду исполнять.» Но я поставил перед собой цель – записать всю русскую симфоническую музыку.

По Вашему мнению, Гаук открыл дорогу целому поколению дирижёров, не так-ли?

Е.С. : Несомненно. До революции, даже если и были прекрасные дирижёры, как Балакирев и Рубинштейн, русской школы дирижёрства как таковой ещё не существовало, это Гаук создал её, и уже только поэтому его имя должно стоять одним из первых в истории нашей музыки. Здесь напрашивается сравнение с Николаем Мясковским, руководившим в то же время классом композиции. Оба они были очень близки, и Гаук впервые сыграл многие его симфонические произведения.

Вы также упомянули нам, что Гаук сыграл впервые многие Ваши произведения. Вы были и учеником Михаила Гнесина и Юрия Шапорина по классу композиции, и учились у Генриха Нейгауза по классу фортепиано. Кто же такой в конце концов Евгений Светланов? Композитор, дирижёр или пианист? Или просто музыкант?

Е.С. : В начале я получил образование пианиста. И какое образование! Под руководством такого гения как Нейгауз! Но с трёхлетнего возраста, я мечтал стать дирижёром. Когда я писал свои воспоминания, вышедшие в России, у меня возникло впечатление, без сомнения, очень субъективное, что я, прежде всего, композитор, но это, опять-таки, - сугубо личное мнение. Очень может быть, что это и не так, потому что известен я, практически, только как дирижёр! Я, без сомнения, уделил сочинению

музыки намного меньше внимания, чем мне этого хотелось бы... Но я остаюсь хозяином своей судьбы.

Судьбы романтической, судя по недавним заявлениям. А Вы и в самом деле считаете себя «последним романтиком»?

Е.С. : Эта фраза вырвалась у меня год назад, в конце одного интервью. Я предложил её в качестве названия статьи обо мне. Но, Боже сохрани, я – не последний романтик. Просто с возрастом ощущения обостряются.

А какое название предложите Вы для нашей с Вами беседы?

Е.С. : (Долгое молчание)... «Исповедь усталой души».

Вы можете прокомментировать?

(Евгений Светланов не отвечает.)

Давайте вернёмся к истории Вашей судьбы. Ваши родители были членами труппы Большого театра. Затем, в 1955 году Вы становитесь одним из главных его дирижёров. Мне очень запомнился Ваш Золотой Петушок Римского-Корсакова в 1990 году.

Е.С. : Вот этим Вы меня порадовали. Я ещё утром вспоминал эту постановку. Знаете, я ещё до окончания Консерватории и для подготовки дипломной работы должен был дебютировать в Большом. Это было в 1954 году, а моей дебютной оперой была *Псковитянка*. Когда мне предложили дирижировать новой оперной постановкой в 1989 году, мне захотелось вспомнить молодость, и я выбрал другое произведение Римского-Корсакова. Моя жизнь началась в Большом, я там всему научился. Ребёнком я пел в хоре театра, во время войны, участвовал в массовке, и, наконец, стал ассистентом дирижёра.

Что Вы можете сказать о кризисе, который сейчас переживает театр?

Е.С. : Это продолжение старого кризиса, но «управляют» им новые начальники.

Вы предпочитаете, наверное, говорить о Вашей работе с Государственным Оркестром России. Не могли бы Вы, например, дать определение тому обострённому чувству волнения, которое доминирует во всех Ваших исполнениях произведений Чайковского на концертах и для записи?

Е.С. : Конечно: моим первым долгом является поддерживать эту трактовку в традиции истинно русской музыки, которая, опять-таки проистекает от Гаука. Евгений Мравинский, один из его старых друзей, всю свою жизнь тоже старался сохранить мощное и обострённое чувство волнения, исполняя симфонии Чайковского. Слишком часто, исполняя их, делают не те акценты, что нужно. Чайковский был самым смелым новатором среди русских композиторов. Его перепады настроения, его нега не имеют ничего общего с псевдо-сентиментальностью.

Поэтому Вы и акцентируете финальную коду 4-ой Симфонии, создавая баланс на краю обрыва. Это часто порождает эффект ощущения конца света. Вы и сами его так чувствуете?

Е.С. : Подсознательно – несомненно. Не обещают ли нам прорицатели скорое приближение конца света? Я – христианин, читаю Библию. Но когда я на сцене, каждый финал симфонии, подобной 4й Чайковского или 3й Скрябина – это не

пророчество конца света вообще. Это каждый раз реальный, возможный конец, на каждом концерте – может быть и мой собственный.

Записывать такие произведения в студии и делить такого рода сильные эмоции с публикой на концерте – далеко не одно и то же. Ваши лучшие записи двух названных Вами произведений – концертные.

Е.С. : Для меня разницы нет... Я всякий раз пытаюсь выйти на диалог с Богом.

Итак, наша беседа принимает философскую окраску ?

Е.С. : Таким я себя ощущаю в данный момент моей жизни! Но я могу и перейти на другую тему разговора, рассказать Вам о композиторах, которые мне дороги... Об Аренском, например, который похоронен в Париже, или о Мясковском, 25-ю *Симфонию* которого я только что сыграл с Национальным Оркестром Франции. В процессе подготовки Антологии русской музыки – проекта всей моей жизни, я записал тридцать девять симфонических произведений этого композитора – все его двадцать семь симфоний и ещё двенадцать партитур для большого симфонического оркестра. Мясковский был композитором на рубеже двух веков, славу которого затмили имена Прокофьева и Шостаковича. Однако при жизни его симфонии исполняли на западе и особенно в Соединённых Штатах; с момента его смерти в 1950 году и началось его забвение. С тех пор все дирижёры отказываются защищать его творчество, которое они считают, несомненно, второстепенным, а я думаю, что они его боятся. Ибо здесь нет гарантии успеха как с Прокофьевым!

Теперь, когда завершена Русская Антология, Ваш новый проект – записать все симфонии Малера, о чём Вы так же мечтали всю жизнь, не правда-ли?

Е.С. : Мне кажется, что судьбы некоторых русских композиторов, таких как Мясковский и Метнер очень похожи на судьбу Малера, который пострадал от того, что не был признан как композитор. Я проникся этой грустью и разочарованием. Я не могу добавить ничего ни нового, ни особенного к этой музыке, час которой пробил ещё несколько десятилетий назад. Единственное, что меня побуждает, - это любовь к ней. И, возможно, чувство исключительности, которое порой сопровождает любовь. Своего рода творческий эгоизм, непреодолимое желание исполнителя. Этим проектом я занялся пожалуй, больше для себя самого, чем для других. Несмотря на попытки Кондрашина или Баршая, немногие русские дирижёры брались за симфонии Малера. Я надеюсь только привнести немного свежести, непосредственности. Все указания фигурируют в партитурах, достаточно лишь быть точным, изучить и проанализировать. Духовное же начало, которое мне хотелось бы вложить в музыку, раскрывается только, если прислушаться к тому, что указывает в аннотациях сам композитор. Но оно должно присутствовать и оправдывать факт дирижирования этими произведениями. Ибо внутренняя борьба человека и художника, по моему мнению, главная характерная черта короткой и хрупкой жизни Малера. В его музыке постоянно присутствует духовность : мощный призыв к человечеству, прозвучавший в *8ой Симфонии* является самым значительным духовным посланием со времён Бетховена. Ни один из последующих композиторов не достиг таких космических высот, которые Малер доводит до предела в своей *9ой Симфонии* мощными контрастами – уставший и больной человек как будто вновь обретает надежду, но этой надежде противоречит чувство беспомощности. Однако всё должно разрешиться по доброй божьей воле.

Вы всегда проводите ассоциацию между судьбой композитора, его человеческими страданиями и Вашим исполнением?

Е.С. : Пожалуй. Но не думайте, что я вижу жизнь в чёрном цвете, и что Малер воплощает для меня только безнадежность. Присутствие радости явно и неоспоримо. Я неустанно люблю природу, даже природу человека!

Что Вы можете сказать сегодня о Вашем дискографическом наследии?

Е.С. : Я мог бы назвать столько дорогих мне имён! Всех композиторов русской антологии от Аренинского до Мясковского... Даже если многие диски ещё не собраны в единое целое, мне кажется, что они несут в себе нечто общее, чётко определённое. И я горжусь всеми моими записями, в том числе и нестудийными.

Американская фирма Russian Disc выпустила несколько дисков с вашими записями в качестве пианиста, дирижёра и композитора. Мстислав Ростропович, некоторые исполнения которого тоже были выпущены этой фирмой, остался ими недоволен. А что Вы думаете о Ваших дисках?

Е.С. : Знаете-ли, у Ростроповича есть привычка подавать в суд на издателей его нестудийных исполнений и это – его право. Что касается меня, так я очень рад тому, что вышло несколько дисков с моими собственными произведениями. Будут и другие. А также, я продолжу записывать произведения композиторов Могучей Кучки и симфонии Малера... Для многих исполнителей наступает момент, когда количество концертов приходится уменьшать. Владимир Горовиц не распространял об этом сведений, но к концу жизни он устал давать публичные концерты. Что бы со мной ни случилось, я хотел бы и дальше уделять много времени записям.

Последний вопрос : что это за маленький вентилятор, тихо урчащий на вашем пюпитре на каждом концерте?

Е.С. : Он всегда со мной вот уже много лет. Я трачу так много энергии на каждом концерте и так мало себя берегу, что это можно назвать самоуничтожением. А для жизни нам всем нужен воздух, не так ли ?

Мы благодарим Марину Бауэр, переводчика нашей беседы.